

Антон Кротов

Страна А., или Автостопом по Афганистану

Первые путешественники в Афганистане
сразу по окончании последней войны
(2002 год)

Антон Кротов

Страна А., или Автостопом по Афганистану

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15069120
ISBN 9785447436087*

Аннотация

Ещё не успели отгреметь выстрелы 25-летней гражданской войны, и уже летом 2002 г. русские автостопщики попадают в свободный и счастливый Афганистан. Кабул, Кандагар, Герат, Кундуз, Газни и другие города теперь будут знакомы читателю не только из песен «афганцев» -солдат, но и из первых рук людей, побывавших без оружия на землях этой удивительной страны. Красивые горы и чистые реки, дешёвые фрукты и гостеприимство местных жителей – вот с чем мы столкнулись в одной из интереснейших стран мира...

Содержание

Глава 1. Афганское утро	5
Глава 2. Страна А.	19
Глава 3. Переход	26
Глава 4. Мазари-Шариф	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Страна А., или Автостопом
по Афганистану
Первые путешественники
в Афганистане сразу
по окончании последней
войны (2002 год)**

Антон Викторович Кротов

© Антон Викторович Кротов, 2016

© Антон Викторович Кротов, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Афганское утро

Начинает светать. Проверим календарь: сегодня двадцать второе число, месяца асада, 1381 года. Афганистан, провинция Бадгис.

Ухабистая пыльная дорога, по котором мы едем, ведёт на северо-восток. Мы сидим на кузове грузовика, на большой куче мешков, подпрыгиваем и стараемся не выпасть на кочках; немного мёрзнем на предрасветном ветру. Скорее бы день!

Вот за поворотом из-за холма выглянула деревушка. Глиняные дома с полусферическими крышами, глиняные заборы. Кое-где поднимается дымок: женщины уже пекут утренние лепёшки. Некоторые крыши плоские; на них, накрывшись одеялами, наслаждается сном в утренней прохладе мужское население.

Грузовик останавливается около реки. Точнее, там должна была протекать река или хотя бы ручей. Спешим вниз, к воде, но нас ожидает разочарование: русло совершенно сухое и пыльное.

– Аб надори, – нет воды, засуха.

Ни колодцев, ни действующих колонок в округе не видно. Опять в кузов – и пылим до следующей деревни.

Здесь повезло. В долине виднелось что-то зелёное – это ручеёк, наполовину высохший, на вторую половину зарос-

ший водорослями. Глубина – воробей перейдёт вброд. Вода стоячая и, на первый взгляд, ни для каких нужд, кроме полива, уже непригодная.

Но другой воды нет, и мы, жители грузовика, налетаем на эту речку, как мухи на варенье. Полоскать зубы, мыть руки и ноги. Кое-кто тут же совершает истинджа: присев на корточки прямо посреди ручейка, полощет часть тела, невидимую под полами халата. После омовения совершаем утренний намаз, ёжась на утреннем ветру.

Стоянка закончена, пассажиры лезут на кузов, опять завернувшись во что попало от холода. Все ли на месте? никого не забыли?

– Бурубахайр! – возвещает помощник водителя, – счастливый путь!

И мы продолжаем свой путь – в сторону центра провинции, посёлка Калай-Нау. Мимо нас проплывают всё более просыпающиеся деревни. Мужчины седлают ослов, отправляясь в горы за хворостом; пастухи готовят к выгону стада овец. Одни совершают молитву; другие, более сонные люди только просыпаются, лениво потягиваются на крышах своих домов или во дворах, вылазят из-под одеял. Некоторые уже встали, видят грузовик, проезжающий мимо, и приветливо машут рукой.

Я тоже машу рукой, иногда доставая её из-под спального. Бурубахайр! Счастливый путь!

Над низкими, серо-рыжими горами поднимается красное,

большое и пока ещё холодное солнце.

* * *

Калай-Нау. Довольно большой, тысяч на пять жителей, посёлок одноэтажных глиняных домов. На главную улицу смотрят в основном торговые части этих домов. Вот чайхана, вот продавец дров, а вот уже разложили в придорожной пыли длинные, как кабачки, зелёные арбузы. По улицам, никогда не знавшим асфальта, движутся телеги, повозки, пешеходы и редкие машины. Наш грузовик останавливается у большой городской чайханы.

В чайхане

Нас двое – я и Книжник (он же Сергей Браславский из Вологды). Мы едем автостопом из Герата в Мазари-Шариф, уже завершая наше путешествие по Афганистану. Шестнадцать часов тряслись на этом «Зиле», проехали 150 километров. Сейчас, вроде бы, пора вылезать и искать следующий транспорт.

– Приехали! Калай-Нау! – информируют нас пассажиры.

Мы стягиваем с кузова пыльные рюкзаки, обесформившиеся нашим долгим сидением на них. Пихаем туда спальные. Помощник водителя подходит к нам с корыстным интересом. Пишет на руке цифру с пятью нулями.

Ага. Мы тоже пишем цифру с пятью нулями, но другую. Билетёр протестует.

– Хватит с тебя, – пытаемся избавиться от толстой пачки денег.

– Давай две пачки, – требует билетёр.

– Или забирай одну пачку, или вообще не дадим!

Билетёр неохотно соглашается на одну пачку денег, и, не пересчитывая, прячет её в свой обширный карман. У нас деньги не влезают в карман – приходится их хранить в специальном отсеке рюкзака.

Мы идём пешком на выезд из Калай-Нау. Удивлённые местные жители указывают нам искомое шоссе. Посёлок неожиданно заканчивается; последним домом его является выездной пост афганского ГАИ. Верёвка, протянутая поперёк дороги, преграждает путь скопившимся четырём «Камазам». Грузовики полны барахлом и людьми – это мухаджиры, переселенцы, а точнее говоря – беженцы, возвращающиеся из Ирана, где они прожили несколько лет, – к себе на родину, в одну из северных провинций Афганистана. Три грузовика полны вещами до самых бортов; наверху сидят по двадцать пять-тридцать запylённых мужчин. Один грузовик почти без вещей, зато перегружен женщи-

нами и детьми, их там пятьдесят или шестьдесят человек. Грузовики ждут, скопившись на посту; мухаджиры, водители и гаишники с интересом разглядывают нас подходящих.

– Здравствуйте! Вы едете в Меймену?

– Меймена, Меймена, – кивают сверху мухаджиры.

Афганский автостоп

О радость! На ближайшие пару дней мы обеспечены транспортом. Конечно, все лучшие места в передней части кузова уже заняты; в задней части кузова трясёт и пылит, все сидящие там афганцы и их мешки покрыты толстым слоем пыли. Один дед даже сидит в повязке-респираторе. Ладно,

устроимся как можем. Бурубахайр!

Водители и дорожные полицейские, наконец, утрясли вопросы с проездом, верёвка опустилась, и вот опять перед нами – степные, горные и пустынные пейзажи северо-западно-го Афганистана. Калай-Нау остаётся позади.

* * *

До самого горизонта – бесконечные степи, выжженные солнцем холмы и пологие горы. В ровных местах дорога разделяется на несколько ветвей, чтобы вновь собраться в одну в ущельях или долинах. Вот мы едем прямо по реке, разбрызгивая драгоценную воду во все стороны – река настолько мелкая, что после проезда каравана машин русло её почти пустеет, показывается дно, и требуется несколько долгих мгновений, прежде чем влага вновь распределится ровным слоем. Вот пастухи, гоняющие вверх-вниз по холмам стоголовые стада. Вот круглые и плоские, как огромные таблетки, копны пшеницы, вокруг которых ходит по кругу пара волов или осликов, таща за собой тележку-волокушу с камнями: обмолачивают зерно. Вот крестьянин ворошит лопатой смесь соломы и зерна, ожидая, что ветер отнесёт в сторону более лёгкие предметы. Вот другой крестьянин собрал большую кучу ещё зелёных степных колючек и сложил их в овраге – на высыхание, как будущее топливо. А вот на перевале, между двух жёлто-коричнево-глинистых гор, выкопал се-

бе пещерку старик-нищий. Увидев издали приближающийся транспорт, он вылезает из пещерки, где прячется от солнца, поправляет чалму и ожидающе стоит, поглаживая бороду.

«Камаз» проезжает, обдавая старика пылью, в которой, однако, содержится и нечто благое: купюры по 1000 афгани. Водитель и благочестивые пассажиры бросают их, они кружатся и падают в запорошенную мелкой пылью дорогу. Старик, догладив бороду, старается запомнить, куда залетели деньги, и начинает сбор урожая.

Вот торговая деревня. Три десятка осёдланных ослов стоят на ослостоянке, ожидая своих хозяев, ушедших на базар. Вдоль единственной улицы-шоссе выставлено на продажу всё: арбузы, дрова, палки и железки, помидоры диаметром два сантиметра, яблоки, газировка иранского и афганского разлива, инструменты, резиновые вёдра для воды, сколоченные гвоздями из обрезков автомобильных шин... Вот печи для изготовления лепёшек, пышущие жаром и огнём, а вот предприятие общественного питания – чайхана.

А вот опять поля, виноградники, стада, каналы на арбузных плантациях, дети на осликах. И опять степь.

Встречных машин немного – не больше одной в час. Там, где дорога широкая или разветвилась на несколько колеи – разъезд не составит труда. Если же встреча произошла среди гор, то более лёгкой машине приходится пятиться назад, пятьдесят или сто метров, пока не выявится подходящее место для разъезда.

Ближе к полудню мы перевалили в очередную долину и теперь едем вдоль большой реки, именуемой Мургаб. Дорога совсем узкая. С одной стороны – склон горы, да так близко, что его можно пнуть ногой; пустые канистры, привязанные к кузову, трутся, хлопают об этот склон и постепенно деформируются. С другой стороны – обрыв и река, так близко, что в неё можно плюнуть. Пассажиры, впрочем, чаще плюют куда попало, ветер относит их плевки в заднюю часть машины, где нахожусь я и терпеливо сношу зелёные плевки афганского народа. Плевки зелёные, потому что у многих во рту носва – жевательная трава, местный заменитель табака. Зато никто в кузове не курит. Десятки мужиков – и ни одного курильщика.

Вот долина реки расширяется, и опять появляются сёла, зелень, поля, стада коров; коровий навоз, сплюснутый в блины, сушится на крышах домов; во дворах прыгают мелкие курицы; на осликах едут дети и женщины в разноцветных костюмах; здесь многие женщины без чадры, с открытым лицом, звенят металлическими украшениями, одежда красивая, с вышивкой – это их повседневные наряды. Яркие платки, шапки. Ослы везут огромные связки колючек. В склонах горы вырыты пещерки, где дорожные попрошайки прячутся от солнца, а там, где дорога идёт по относительной равнине – маленькие солнцубежища. Дети семи-восьми лет с лопатами притворяются дорожными рабочими и важно ковыряют лопатой землю, увидев машину: якобы устраняют

Ещё только ранний вечер, но мы уже завершили свой дневной путь. Этот посёлок называется Баламургаб. 140 километров за день – неплохое расстояние для таких дорог. Водители и пассажиры устали, да и завтра – тяжёлый день. Завтра нам предстоит проехать целых 160 километров, до Меймены, поэтому подъём обещали в три часа ночи.

Река протекала рядом. Мы с Книжником по очереди сходили и умылись от пыли. Идя от реки, я приобрёл пару лепёшек хлеба и небольшой арбуз.

Сели ужинать, разрезали арбуз пополам – а он оказался серо-белый внутри. Обиженный, я понёс половинки обратно продавцу. Зрители-афганцы с любопытством следовали за мной.

– Арбуз хароб! харбуз хароб! – плохой!

Продавец согласился с харобностью арбуза, и человек десять зрителей вызвались быть консультантами в выборе лучшего. Все арбузы были перебраны, перешупаны, перестуканы, и коллегиально выбранный лучший арбуз был мне вручен взамен бракованного.

– Арбуз хуб! хейли хуб! – очень хороший!

Харчевня, где тусовались мы и все пассажиры грузовика, находилась рядом, метрах в пятидесяти от продавца арбузов.

Продавец и прочие жители Баламургаба трепетно следили за результатами вскрытия второго арбуза. И – надо же тому случиться! – второй арбуз оказался тоже серо-белый, совершенно несладкий. Моя вера в баламургабские арбузы была подорвана, и я уже не пошёл менять. В сумерках «арбуз хароб» был выброшен, и мы заказали чай. Чай тоже оказался жёлто-серым, почти как арбуз, но я уже не стал жаловаться. К тому же чайханщики, желая не уронить имидж Баламургабпищепрома, принесли ещё два дополнительных чайника – уже не зелёного, а коричневого чая – и конфетки иранского производства.

– Чай хуб! Арбуз хароб! – констатировал я.

Всё население Баламургаба было поражено этой крылатой фразой. Целый вечер я слышал, как там и сям полушёпотом, глядя на нас, из уст в уста передавалась эта дивная весть:

– Чай хуб! Арбуз хароб!

* * *

Пребывание двух иностранцев в Баламургабе приобретало всё больший общественный резонанс. Всё новые люди появлялись рядом, молча смотрели на нас; самые смелые что-то спрашивали, и нам приходилось отвечать на все вопросы по ...дцатому разу. Не очень смелые тихо тусовались на почтительном расстоянии и пересказывали друг другу удивительную историю с арбузами:

– Чай хуб! Арбуз хароб!

Наконец появился первый англоговорящий человек в Баламургабе, афганец с солидной бородой.

– Удивляетесь, что я говорю по-английски? Просто я много лет прожил в Пакистане, Индии и в других странах, часто езжу туда на заработки. Там и выучил английский язык. Я говорю также на урду, пушту, белуджи, пенджаби, на турецком, туркменском и на разных других языках, – похвастался он. – Хотите ко мне в гости? Правда, я живу далеко отсюда, но если хотите, я вас приглашаю.

Мы не приняли предложение полиглота, опасаясь проспать утренний грузовик. Деревенский полиглот порасспрашивал нас о том, о сём и, удалился, довольный тем, что доказал свою мудрость среди односельчан. Но вскоре появился второй англоговорящий человек в Баламургабе: молодой парень лет двадцати пяти с короткой бородкой. Сказался местным фармацевтом.

– О, это очень популярная профессия в Афганистане, – улыбнулись мы. – В каждой деревне, в каждом городе мы видим множество аптек!

– Это всё перекупщики, а не фармацевты, – обиделся собеседник. – Я и мои братья именно производим лекарства, а те простые аптекари просто продают их. Если хотите, я покажу вам своё производство. Приходите ко мне в гости на ночлег – я живу недалеко.

– К сожалению, нам надо завтра очень рано вставать. Гру-

зовик отправляется в три часа ночи, и мы боимся проспать. Так что лучше мы переночуем здесь.

– Тогда счастливого пути! До свидания! – и фармацевт удалился.

Но стоило только уйти обоим «переводчикам», как нас выявили сотрудники местного правопорядка. Сперва пришёл один, одетый в халат, как простой афганец, не говорящий ни на каком языке, кроме дари, – и долго просил показать паспорт. Я же требовал паспорт у него самого, и, конечно, безрезультатно. Наконец он достал рацию, а я – паспорт. Как мог, объяснил нашу сущность. Человек с рацией ушёл, но тут пришёл другой: вероятно, его начальник. Я опять показал паспорт, и объяснил, что мы из России, путешественники, едем в Мазари-Шариф, и прочее. Когда он ушёл, мы собрались переходить в мир сна, но это было преждевременно.

Третий, главный начальник, приехал уже на мотоцикле и знал несколько русских слов. Одет тоже был обычно, и тоже с рацией. Опять пришлось показать паспорт, едва сдерживая раздражение, объяснить сущность.

Третий уехал, и мы вновь легли в спальники. Опасались, что приедет четвёртый начальник, уже на машине, но, к счастью, четвёртого начальника на этот раз не было. Мы задремали, а афганцы вокруг тихо обсуждали нас. То и дело вокруг слышалось тихое:

– Чай хуб! Арбуз хароб!

В половине третьего утра, Баламургаб, освещённый лишь звёздами, слышит резкие гудки «Камазов». Подъём! По машинам! Бурубахайр!

Мы пытаемся доспать, завернувшись в спальники, сидя на кузове. Но трясучая дорога разгоняет сон. Первые предутренние километры остаются позади. Вот мы проезжаем ещё спящие, без огонька, деревни. А вот уже ночные звёзды вытесняет с неба утренняя заря, в кишлаках появляются утренние дымки и огоньки. Афганистан просыпается, кричат пехи, люди встают на утреннюю молитву. Начинается очередное утро – 23 асада 1381 года.

Афганское утро.

Глава 2. Страна А.

Об Афганистане я мечтал давно. Впрочем, не я один такой: об этой стране мечтали очень многие люди и народы. Десятки завоевателей, уничтожая города и их жителей, проходили по этим землям, хотя никто надолго тут не оставался. Александр Македонский, Чингисхан, английские, пакистанские, американские и советские войска регулярно, вот уже двадцать пять веков, здесь сменяют друг друга.

О последнем периоде можно вспомнить подробнее. Известное многим из нас слово «шурави», обозначающее тут жителей СССР (или бывшего СССР), происходит от персидского слова «шура» – совет. «Шурави» буквально означает «советчики», люди, которые любят советоваться и советовать, то есть, как мы подчас говорим, – «хелперы».

Хелперы, как нам известно, бывают полезными и вредными. Лет сорок тому назад советчики выполняли в Афганистане роль полезных хелперов: проводили электричество, строили больницы, заводы и дороги – остатки всего этого наблюдаются в Афганистане и поныне. Но затем, четверть века назад, советчики задумали превратить несколько уже подготовленный Афганистан в ещё одну советскую шурави-республику. Внедрив туда, помимо электричества и заводов, марксизм, материализм, атеизм, а позже – и советские войска.

Армия «шурави» в Афганистане не принесла счастья ни себе, ни людям. Религиозные афганцы, увидев явное покушение на ислам, яростно защищали свою землю от нашествия «русских атеистов»; прибежали на помощь соседи-пакистанцы и противохелперы из других стран. Заводы, фабрики и мосты, построенные за предыдущие двадцать лет, во время войны были разрушены, дороги – заминированы, тысячи людей погибли и с советской, и с афганской стороны. В 1989 году армия «шурави» ушла, оставив после себя огромное количество разбитых танков и сотни тонн вполне действующего оружия и боеприпасов.

Исчезла главная национальная идея – война с неверными, но афганцы продолжили воевать по инерции – уже друг с другом, решая вопрос о верховной власти. В Кабуле был избран президент Раббани; но реальной власти над всей страной он не имел. Южная часть страны подпала под контроль партии-движения «Талибан». Талибы, при поддержке Пакистана, объявили о создании исламского эмирата по одним им ведомому образцу. Жёстким образом они наводили порядок в разобщённой стране. Под контроль «Талибана» перешёл сперва Кандагар (1994), затем Кабул (1996), затем Мазари-Шариф (1998). В 2000 году талибы владели 90% территории страны.

В оставшейся части – в северо-восточном уголке Афганистана – сохранялось отдельное правительство, и именно оно оставалось международно признанным правительством

все эти годы. Талибов признали только Пакистан и Саудовская Аравия. Только в этих странах находились посольства «Талибана», и только посольства этих стран находились в то время в Кабуле.

Талибы ввели на своей территории строгие законы: запретили телевидение, газеты, кино, театры и музыку; заставили всех мужчин отпустить бороду определённой длины и носить чалму; запретили женщинам появляться на улице без сопровождения родственника-мужчины; обязали всех ежедневно ходить в мечеть, уничтожили древние изваяния Будды и прочие возможные предметы поклонения. Пьянство и курение сигарет строго наказывалось; неверных жён забрасывали камнями, а за воровство прилюдно отрезали руку или ногу. Гражданская война закончилась, прекратились появившиеся было беспорядки и грабежи. Каждый человек наконец ложился спать спокойно, радуясь, что в стране наведён порядок, но огорчаясь, что исчез телевизор и другие развратные проявления западной цивилизации.

Талибы имели определённый успех. Труднодоступный Афганистан, не имеющий моря, окружённый горами и другими специфическими странами, – оказался хорошим полигоном для попытки повернуть время вспять. Идеал талибов – восстановление халифата в таком виде, каким он был во времена Пророка Мухаммеда. Без интернета и телевизора, без музыки и газет, женщины в чадре, мужчины в чалмах и с бородами. В мечеть на молитву, как на партсобра-

ние; борода – как партбилет. Отклонившимся от заветов Корана и пути Пророка – строгое наказание на земле и ад после смерти. Затащить людей за бороды в рай.

Трудно сказать, сколько лет ещё талибы сохраняли бы свой режим на 90% территории Афганистана, но случилось то, чего никто не ожидал. 11 сентября 2001 года, взрывы Пентагона и двух больших американских небоскрёбов. Талибов и притусовавшегося к ним Бен Ладена обвинили в подготовке терактов, и началась скоротечная американско-афганская война. Важнейшие города, военные и правительственные объекты были разбомблены авиацией НАТО, а из-за северных гор вышли столь долго ожидавшие своего часа войска Северного правительства. Когда-то как-то избранный президент Раббани, и генерал Дустум, бывший губернатор Мазари-Шарифа, и многие другие пророссийские и проамериканские афганские политики быстро, под звуки американских бомб, распределились по своим родным городам, пообещав населению хлеба и зрелищ, разрешив всем желающим телевизор и сбривание бород. Жители городов, радуясь послаблениям, без сожаления расстались с талибами; начальство «Талибана» исчезло с политической арены, а рядовые фанаты укоротили бороды и влились в ряды новой власти.

Международные помощники со всего мира стеклись в Кабул, со своими рекомендациями «как жить дальше» и с многообразными подачками в виде гуманитарного зерна, кон-

сервов и сапёров. В некоторых районах электорату раздали по пятьдесят килограммов зерна на семью, минные поля поместили красной краской и созвали Учредительное собрание – Лойя Джиргу, – с помощью которой назначили во власть деятеля Северного альянса, некоего Хамида Карзая, пообещавшего международному сообществу – лояльность и прозападность, а своему народу – продолжение хлеба и зрелищ в самом буквальном смысле.

* * *

Побывать в Афганистане я мечтал уже пять лет. В 1997 году, в ходе первой поездки АВП в Иран, мы узнавали методики получения афганской визы в Тегеране и в Ташкенте; в 1998 году, по дороге в Индию и обратно, заходили в посольства Афганистана в Кветте и в Дели. Однако талибские посольства не спешили выдавать визу странным шурави-путешественникам, а с визой их противников мы могли посетить лишь северный, всё уменьшающийся уголок страны А. – так мы между собой называли Афганистан.

Все эти годы про страну А. ходили самые разные слухи. Одни говорили, что там очень хорошо, кроме северной части, где опасно. Другие уверяли, что всё наоборот: хорошо на севере, но опасно на юге. Все афганцы, которые нам попадались в разных странах мира, оказывались эмигрантами, не бывали дома много лет и свежей информацией не владе-

ли.

Наконец, чудесным для нас (и печальным для талибов) образом, в 2002 году в руках Северного альянса вмиг оказалась вся страна, и мы, пользуясь редким для Афганистана военно-политическим затишьем, обратили свой взор на юг.

Журналисты всех газет и телеканалов, скопившись в Афганистане, наперебой возвещали миру о военных действиях, о наркоторговле, о голоде, землетрясениях, о минах и разрушениях, так что неподготовленный человек мог действительно поверить, что Афганистан – худшая для путешествий страна мира. Действительно, на экранах наших телевизоров не было ничего, кроме развалин городов, а также гор, пустынь и бородатых людей с автоматами, бегающих и стреляющих. Как и раньше, Афганистан возглавлял список стран, не рекомендованных МИДом РФ для посещения. Но для нас, вольных путешественников, такие запреты служат чем-то вроде рекомендации.

Ангола, Пакистан, Судан, Таджикистан, Эфиопия, посещённые нами вопреки всем спискам, оказались одними из лучших стран мира. Во всяком случае, путешествовать в них приятнее, а народ симпатичнее, чем в Египте, Индии и иных раскрученных до посинения странах массового туризма.

Более того. Проще того. Возьмите любой глянцевого журнала – «Туризм и отдых», к примеру. Посмотрите, какие страны упоминаются чаще всего, куда больше всего зазывают

российских туристов: Египет, Индия, Италия, Кипр, Тунис, Франция... Теперь отправляйтесь в любую из этих стран, постучитесь в любой дом (квартиру) и попроситесь переночевать. Реакция хозяев – ??! Или другой эксперимент: возьмите один доллар, разменяйте его на местную валюту и выясните, сколько килограммов еды вы можете купить на него. Или выйдите на дорогу, поднимите руку и подсчитайте, которая по порядку из проезжающих машин вас увезёт. Довольны? Теперь отправляйтесь в Судан, в Анголу, в Таджикистан, в Эфиопию или Пакистан – проведите там указанные три эксперимента. Разница есть? По своему опыту скажу: есть, и преогромная!

Отправляясь в Афганистан, я не сомневался, что страна окажется хорошей, люди – добрыми, автостоп – отличным, а фрукты – дешёвыми. Но я даже не думал, что после двадцати пяти лет почти непрерывной гражданской войны эта страна окажется НАСТОЛЬКО хорошей! Реальность, как говорится, превзошла все ожидания.

Глава 3. Переход

Нас поехало пятеро. Сергей Лекай, Вовка Шарлаев, Кирилл Степанов и автор этих строк уже знакомы читателю по предыдущим книгам. Пятый участник, Сергей Браславский, он же Книжник из Вологды, в экспедициях АВП участвовал впервые (да и вообще за границу отправился в первый раз). Все мы сделали афганскую визу в Москве и лихо назначили первую встречу уже в Афганистане, в Мазари-Шарифе, на главпочтамте 27 июля. Двадцать шестого числа мы намеревались пересечь советско-афганскую границу под Термезом.

* * *

«Мост дружбы», построенный в 1985 году, находится на южной границе Узбекистана, километрах в десяти восточнее Термеза. Он соединяет узбекский и афганский берега Амударьи. Мы не ожидали больших трудностей с переходом на ту сторону: действительно, виза Афганистана есть, переход работает, раз! – и ты на том берегу. Там, на той стороне границы, имеется посёлок Хайратон; восемьдесят километров – и мы в Мазари-Шарифе. Так что попадание на стрелку не вызывало сомнений. В крайнем случае, если кто-то отста-

нет, мы условились подождать до 28-го.

* * *

Итак, 26 июля. Раннее утро. Термез, южная граница бывшей Империи.

На рассвете я покинул строящийся дом, где ночевал, и направился на восток, навстречу восходящему солнцу, надеясь достичь «Моста дружбы» и переправиться через него на афганский берег.

Сначала на маршрутке, потом на грузовичке, потом пешком. В восемь утра я уже у таможни. Граница открывалась, по слухам, в девять утра, и в ожидании этого часа тут уже стояли несколько узбекских и два иранских грузовика. Придорожные милиционеры на всякий случай посмотрели мой паспорт.

– Один из ваших ещё вчера приехал. Бородатый, Сергей его зовут. Подойди, он в том вагончике спит.

Я подумал, что это неизвестно как опередивший меня Сергей Лекай. И каково же было моё удивление, когда из вагончика вылез заспанный Сергей-Книжник!

Оказалось, что Книжник появился на границе ещё сутки назад, утром 25-го июля. Но – о неожиданность! – узбекские пограничники не выпустили его из страны. Выяснилось, что мост вовсе не является международным, – а лишь служебным переходом весьма ограниченного использования. На тот

берег пускают лишь представителей двадцати гуманитарных организаций, поименованных в особом списке: Организация по развозке беженцев, Мировая съедобная программа, Всемирные минёры и сапёры и подобные им. Чтобы пропустить кого-то ещё, пограничники должны получить факс из КГБ.

Вчерашний день Книжник провёл, мотаясь по всем учреждениям Термеза, посещал полицию, КГБ и ОВИР, но получил лишь отрицательный результат. Книжнику сказали, что раз он не является гражданином Узбекистана и сотрудником перечисленных организаций, никак через мост выпустить его не могут.

Сергей был не единственным человеком, не пропущенным по мосту дружбы. Иранский усатый водитель, приехавший на огромном грузовике, горячо доказывал что-то пограничникам, применяя все известные ему языки. Но ответ был тот же: катитесь куда подальше. Нам рассказали, что незадолго до нас целых десять дней провели на границе некие французские велосипедисты, и только недавно их пропустили, когда они наконец добыли бумагу из ООН.

Я пошёл проверять сущность границы, но все пограничники и те начальники, что оказались налицо, уверяли меня, что пропустить они нас не имеют права. Ничего не оставалось делать, как разворачиваться и ехать в соседний Таджикистан, где, как известно, таджикско-афганскую (бывшую советскую) границу до сих пор охраняют российские войска. Уж с нашими-то должно быть проще!

Остальные наши друзья-автостопщики не появились. Наверное, они задержались на трассе, а может, заранее узнав о вредных свойствах моста, пытаются утрясти вопрос перехода с начальниками в Термезе. На дверях приграничного кафе мы оставили им записку: через мост не пускают; едем в Таджикистан, в посёлок Нижний Пяндж; будем рады через пару дней увидеть их уже в Мазари-Шарифе.

* * *

Только десять километров мы отъехали от моста, продвигаясь на восток, – как нас высадили из машины бдительные гаишники. Дорога тут шла рядом с пограничной Амударьёй, и район этот всегда был «закрытым».

– Мы не имеем права вас пускать. Здесь пограничная зона! – возмущались гаишники. Потребовалось целое представление: я показывал собственные книги и удостоверения АВП; Книжник играл на гитаре и пел «Ничего на свете лучше нету, чем бродить по белу свету»; а водитель машины покорно ждал решения нашей общей судьбы. Наконец нам позволили ехать, и через некоторое время мы оказались на узбекско-таджикской границе.

На моём «Большом атласе автодорог» были указаны все автопереходы; «Мост дружбы» был указан как переход, а вот здесь, на стыке трёх границ – Афганистана, Таджикистана и Узбекистана, – никаких переходов не было обозначено.

Поэтому я опасался, что здесь тем более нас никуда не пустят. Но повезло – узбекские таможенники подумали, записали, поковырялись в наших рюкзаках и наконец выпустили нас из своего государства.

Переход только пешеходный – машины с обеих сторон довозят людей лишь до таможни. Говорят, всего несколько месяцев, как пункт пропуска вообще работает. Местность глухая, ненаселённая. Справа – колючий забор, распаханная полоса, кое-где вышки, а за ними – Амударья и зелёный афганский берег; слева – коричневая пустыня и одинокая ветка железной дороги, по которой, говорят, по воскресеньям проходит поезд Термез – Душанбе. Вот первая таджикская пограничная будка, в ней солдат за столиком, записывающий в тетрадь новоприезжих, – а за его спиной, на стене, масляная картина, на которой изображён... В.И. Ленин!

Нас записали в тетрадь, попросили по 100 российских рублей за какую-то регистрацию, но потом раздумали и препроводили нас в небольшое здание таможни. Оно находилось рядом. Таджикские таможенники, свободно одетые и босиком, тусовались внутри.

– Заходите! У нас здесь рай, – пригласили они.

Мы сняли ботинки и вошли. Действительно, после сорокоградусной наружной жары в здании было приятно и прохладно. Началась бесконечная среднеазиатская беседа; мы вновь рассказали свою сущность; Книжник сыграл на гитаре, я показал книги и бумаги; таможенники записали нас в ещё

одну тетрадь, неназойливо разменяли нам деньги по сниженному курсу, тут же стрясли с нас 1 сомони (= 11 российских рублей) за ещё одну регистрацию, и тут же присоветовали нам умеренно платный транспорт – небольшой, разбитый микроавтобусик, ожидавший пассажиров при таможене. Сия колымага обещала довезти всех желающих в ближайший районный центр Шартуз, откуда уже ожидалось нормальное регулярное движение машин.

Но в Шартузе нас ожидала неприятность. После того, как мы умылись и разменяли деньги у доброжелательной базарной тётушки, – на посту ГАИ дорожные полицейские проявили чрезмерную бдительность и сдали нас в КГБ.

Там целых четыре часа нас, разведя порознь, по очереди допрашивал совершенный идиот. Он заставил писать меня объяснительную (под его же диктовку), где я должен был указать, когда и как совершил своё первое путешествие, второе, третье, ... как называлась моя первая книга, вторая, третья, ... когда я первый раз поехал за границу, как, когда и на чём я выехал из дома, и как оказался в пос. Шартуз. Также его интересовало, зачем я еду в Афганистан, как я зарабатываю деньги, вступал ли я в интимные отношения с женщинами и собираюсь ли это делать в Афганистане. Всё это нужно было написать на листах «объяснительной». Какое преступление мне инкриминировалось, КГБ-шник не сообщил; когда же я пытался увильнуть от писанины, он говорил: нет! пишите! вы же писатель! Затем настала очередь Книж-

ника; при этом нам не разрешали находиться рядом и общаться между собой – вероятно, подозревали нас в тайном сговоре и каком-нибудь преступлении.

Когда свечерело и я совсем разозлился, появился главный начальник КГБ. Он решил свозить нас на показ в комендатуру российских погранвойск, находящуюся в 50 километрах от Шартуза. Он говорил, что делает это для нашего же блага, чтобы точно узнать, пропустят ли нас в Нижнем Пяндже через границу или нет. Поведав нам об отсутствии бензина, начальник заправился за наш счёт, и мы поехали по ночной дороге в направлении границы СССР.

Была пятница, десять вечера, и я предположил, что в такое время ездить по комендатурам бессмысленно. Но начальник был упрям; втайне он надеялся, что нас арестуют или, по крайней мере, поручат ему арестовать нас.

В поздний вечерний час мы достигли расположения российских погранвойск.

Начальник комендатуры всё же был на месте (все военные и живут там же). К счастью, он оказался нормальным человеком. Мы подарили ему книгу «Практика вольных путешествий», а он попытался связаться по рации с Нижним Пянджем. Связи с Н. Пянджем не было. Связался с каким-то другим участком границы.

– Тут эти два карандаша, карандаша, – сказал полковник в рацию, – собираются завтра, завтра, ехать на Нижний

Пяндж, Нижний Пяндж. Паспорт и виза у них в порядке, всё в порядке. Как у нас их, пропускают, пропускают?

Никто не отрицал такой возможности, и, поведав полковнику о нашем путешествии, мы покинули его. Пятьдесят километров с КГБ-шником по ночной дороге – и мы вновь в этом вредном посёлке Шартуз. Нас отвезли на пост ГАИ, с указанием отправить на первой же машине в нужную нам сторону. В машине начальника я забыл сумку с едой, но вскоре мне привезли её обратно на пост.

Ненавижу идиотов, особенно облечённых властью идиотов! Сколько времени мы потеряли из-за них, и, главное, так и не узнали, в каком преступлении нас подозревают! Весьма злой, я разложил спальник и перешёл в мир сна.

27 июля 2002

За ночь прошло немало машин, но гаишники не особо старались отправить нас. Часов в пять утра рассвело, мы с Книжником поднялись и ушли подальше от поста. И, только начали голосовать, как тут же и поймали машину «Нива» до поворота на Колхозабад, а там и в сам Колхозабад уехали на автобусе, полном разноцветных утренних таджиков и таджичек.

Дальше, до последнего на нашем пути райцентра Дусти, нас довёз на легковушке местный налоговый инспектор.

Посёлок Дусти (в переводе – «Дружба») прошли пешком. Заглянули на почту, где девушка-телефонистка устанавлива-

ла связь с Большим миром, втыкая провода в большой пульт полувековой давности. Дозвониться через пульт в Москву не удалось; отправили телеграмму (она шла три дня) и письмо. Жители относились к нам дружелюбно, улыбались, как и положено в посёлке с таким названием.

Дусти завершались большими выездными воротами, точнее аркой, возвышающейся над дорогой. На ней было что-то написано по-таджикски, были нарисованы виноград, арбузы и другие фрукты. Вероятно, это символизировало изобилие местной земли. Мимо проходили дети – таджикские и русские, с лопатами, вёдрами и без ничего, – и скапливались вокруг нас. Мы общались с детьми и ожидали машину без малого три часа – с девяти до двенадцати. В Нижний Пяндж проезжали легковушки, забитые народом, готовые посадить и нас за некоторую мзду, но мы после Шартуза были злые, жадные – и не соглашались. Наконец появился грузовик с трактором в кузове, он шёл медленно и ещё менял на жаре колесо. До пограничного посёлка оставалось всего двадцать три километра, и наконец мы всё же доползли до него.

Нижний Пяндж – совсем маленький посёлок. Когда-то сюда вела узкоколейная железная дорога; сейчас она, по сообщению местных жителей, разобрана. Планируется возведение моста через Пяндж на афганскую сторону, а пока (2002) переправа людей и машин осуществлялась на катере и на барже.

Мы прибыли на границу около часу дня в субботу. Большие шансы были у нас остаться сидеть в Ниж. Пяндже до самого понедельника. Конечно, мы бы тогда дождались наших друзей, но что делать в жарком, пыльном и пустом посёлке двое суток? По счастью, именно сегодня последний рейс катера ещё не совершился, и мы успели на переправу.

Никаких бюрократических препон, как в Термезе, здесь не чинят. Но переправа – дорогое удовольствие. Сперва, ещё до таможни, нужно заплатить за проезд в конторе, именуемой по-старинке «Союзвнешторг». Заплатили мы 25 долларов на двоих (на поиски начальника и переговоры о бесплатном проезде не было времени). С квитанцией об оплате мы прошли на таможню, где нас нетщательно обыскали. Затем подогнали оранжевый автобус-ПАЗик с надписью «Гуманитарная помощь МЧС России» и проводили нас в него.

К Пянджу так просто не подойдёшь: строгая приграничная территория. Высокие наблюдательные вышки, колючий забор, распаханная контрольно-следовая полоса метрах в ста перед рекой. Солдаты-пограничники открывают ворота, и автобус едет к реке. Проезжаем мимо обелиска «Воинам, исполнившим свой долг в ДРА. 1979—1989» с каской, подъезжаем к барже. На этой барже-пристани проходит последний пограничный контроль. Российский офицер-пограничник записал наши имена в специальную тетрадь. Мы подарили ему книгу «Практика вольных путешествий» и ре-

кларку АВП.

– А сфотографироваться можно?

– Нельзя! После середины реки – пожалуйста.

Небольшой старый катер «Душанбе» завёл мотор и перевёз нас двоих через мутно-глинистые воды реки Пяндж. В ширину Пяндж имеет метров пятьсот. Река, можно сказать, легендарная! На середине реки сфотографировались. Баржа-пристань, пограничные вышки и заборы советского берега медленно удалялись.

А вот и афганская земля.

– Предоставляю тебе возможность первому ступить на землю Афганистана! – произнёс Книжник.

Я воспользовался предложением и сошёл с катера сперва на небольшую плавучую баржу, а потом – на глинистый афганский берег.

Злых автоматчиков, заборов, вышек и иных зданий не было видно. Высокая трава росла по всему берегу, а тут, перед нами, на пятачке стояла брезентовая палатка – вернее, большой тент. Под ним сидели, прячась от солнца, на кровати и на деревянной скамейке штук пять слегка бородатых людей в длинных халатах, один – в афганской шапке.

Это и были афганские пограничники. Кто-то говорил по-русски. Мы подошли, нас пригласили присесть. Мы показали паспорта и справки АВП. Наши имена записали в специальную тетрадь.

– «Антун Крутуф»... – записали меня (в алфавите языка дари, как и в арабском, нет буквы «о» и твёрдой «в»). – Какая работа у вас? Писатель? – и меня записали в пограничную тетрадь как писателя; на дари – «нувисандат».

– Мистер Сергей... Тоже писатель?

– Напишите: помощник писателя, – отвечал Книжник.

– Нет! и вы тоже писатель, – возразил пограничник и присвоил ему ту же должность «нувисандат».

انتون كروتوف
АНТОН КРОТОВ

نویسنده
ПИСАТЕЛЬ

Я думал поскорее отойти от таможни, дойти до ближайшей обитаемой деревни и ловить там проходной транспорт. Но таможенники советовали не торопиться. В самом деле, тут же на берегу стояли шесть новых перегонных «УАЗиков» с российскими транзитными номерами. Они пришли с советского берега; машины довозят до переправы наши водители, а здесь их должны принять водители-афганцы. И вот

«УАЗики» стояли и ждали, когда приедут водители; таможенники говорили, что они появятся вскоре. А пока Книжника попросили сыграть на гитаре. Я, с разрешения пограничников, пофотографировал окружающий мир. Афганцы снимались с видимым удовольствием. В отличие от коллег с другого берега.

Никаких признаков пограничных строгостей, военных, часовых, танков, вышек, запретов на фотографирование и на свободу не было. «УАЗики» мирно дремали в камышах. Хелперов, таксистов, обменщиков, обманщиков, переводчиков, нищих, предлагателей хотелей не было и следа! Это меня больше всего поразило.

Обычно в бедных, суетливых азиатских и африканских странах на границе вас встречают всякие помощники и надоедливые предлагатели платных услуг, от которых нелегко избавиться. Здесь же никаких таких людей не было. Отдыхаем!

Время в Афганистане на полчаса отличается от таджикского. Я переставил часы. Итак, можно записать: в 14:28 по местному времени мы прибыли в страну А. В паспорте стояла дата въезда: 5—5—81. Пятое число месяца асада 1381 года по афганскому календарю. Река Пяндж разделяет не только государства, но и столетия.

Катер «Душанбе», подцепив плавучую баржу-причал, потащил её на таджикский берег — оказывается, баржа относи-

лась к советской части реки и приплывала сюда лишь для перевозки «УАЗиков». Теперь афганский берег остался голым: никаких следов пристани и причала уже не было видно. Теперь почти двое суток реку не пересечёт ни один официальный пассажир.

Вскоре, не успели мы заскучать, появились два джипа с антеннами. В них прибыли афганские водители-перегонщики. Нас с Книжником определили в «Land Cruiser», замыкающий колонну; кондиционер оказался неработающим, зато водитель – англоговорящим. На стекле машины – наклейка: перечёркнутый автомат; мол, с оружием нельзя!

Машины (и джипы, и новые УАЗики) принадлежали какой-то гуманитарной организации и ехали в Кундуз, а потом в Таликан. Мы намеревались достичь с ними Кундуза. До него было 75 километров.

По машинам! Попрошались с пограничниками, заехали на крутой берег, проехали мимо будки с развевающимся флагом, в которой, вероятно, должен был сидеть пограничник, но его не было. Будка являла собой бывшую кабину трактора или крана. Проехали метров пятьсот и остановились у придорожных харчевен, у первого афганского поста ГАИ.

Некоторое время наш караван не пускали – водители забыли оформить в пограничной палатке какую-то бумагу на транзит машин. Пока ждали – около получаса, – водители купили большую зелёную дыню, ели сами и угостили и нас

с Книжником. Первое угощение на афганской земле!

Корки и семечки от дыни бросали прямо на дорогу, и бродячий осёл лениво подъедал их. Кстати, дорога оказалась асфальтовая! Я-то думал, будет разбитая грунтовка. Оказалось, в этой части страны все дороги вполне приличные; их покрыли асфальтом за годы советской оккупации. Как мы потом обнаружили, дорога на Мазари-Шариф и на Кабул тоже вся асфальтирована, кроме района перевала Саланг.

Вокруг был пустынный пейзаж. Признаков города отсюда не было видно. Водители-афганцы общались по-английски то с нами, то со своими рациями. У нашего водителя было аж три рации, но слышимость в каждой из них была ужасной.

– Я прожил здесь всю жизнь, – по-английски делился своими воспоминаниями один из водителей, – и когда я был ребёнком, у нас стояли советские войска. Они оборудовали блок-пост, и когда какое-нибудь афганское транспортное средство подъезжало близко, русские кричали нам: «стой, б...!» Это единственное слово, которое я знаю по-русски, и вот уже двадцать лет, как я запомнил его.

– А потом русские ушли, потом пришли талибы, и здесь проходили большие битвы, а потом талибы опять ушли, – продолжил другой водитель, – и вот мы всё думаем: придут опять русские войска или нет?

Я постарался перевести разговор с военной темы на мирную. Выведал и записал в тетрадку произношение многих

полезных слов на местном языке, а также числа. Жители северной половины Афганистана, до Кабула включительно, говорят на языке дари – диалекте фарси, персидского языка. Таджикский язык тоже похож на фарси, и все три – фарси, дари и таджикский – близки между собой, как русский, белорусский и украинский. А вот южная часть Афганистана говорит на пушту, это совсем другой язык, ближе к урду и к хинди. Общих слов у дари и пушту немного, и, как правило, всё это – религиозная лексика, общие заимствования из арабского языка. Жители южной и северной частей Афганистана, как уверяли водители, не понимают друг друга.

Когда несколько страниц тетради были уже исписаны словами языка дари, у водителей, наконец, появились документы на проезд, и мы поехали. Я удивился тому, что паспорта наши никто больше не проверял. Обычно вблизи границы много постов: дублируя друг друга, на них вновь и вновь проверяют паспорта и визы у въезжантов и выезжантов. Здесь этого не было.

Асфальтовая, немного битая дорога разрезала пополам совершенно плоскую пустыню. Но местность не была безлюдной. Навстречу нам попадались грузовички советского производства, полные груза и людей. Не только кабины, но и все кузова были заполнены народом. Проехали пару селений, состоящих из глиняных одноэтажных домов. Одинокие столбы с обрывками проводов напоминали о том, что когда-то здесь проходила линия электропередач.

Через полтора часа пути машин на дороге стало больше, появились попутные и встречные телеги и ослы; жёлтые такси, обвешанные людьми (даже сверху). Дорога совсем испортилась, и вот наконец пошли дома, лавки, пешеходы — мы въехали в столицу провинции.

* * *

Попрощались с водителями и вышли на свободу. «УАЗики» и два джипа сопровождения укатились на восток, в город Таликан, а мы с Книжником, с рюкзаками и гитарой очутились в самом центре Кундуза.

Город! Он не казался голодным. Вдоль улицы наблюдались непрерывные лавки, где продавали мясо, лепёшки, газировку, арбузы, помидоры, лекарства, ковры, инструменты и всё остальное. По улице (не асфальтовой) ездили телеги и красиво украшенные повозки, запряжённые лошадьми (настоящие кареты!). Но тут нам стало не до рассматривания, так как нас быстро окружили десятки местных жителей и начали разглядывать нас самих.

План действий в Кундузе я составил такой:

1. Обменять деньги.
2. Отпраздновать едой прибытие в Афганистан.
3. Позвонить родителям (интернета в Афганистане тогда ещё не было обнаружено);

4. Найти ночлег.

Обмен денег не составил труда. Зашли в одну из лавок и спросили, где здесь доллар-чейндж. Продавец предложил поменять прямо у него. Я развёл широко руки и спросил, где большой чейндж, где мно-о-ого денег. Лавочник понял и показал пальцем направление.

Пойдя туда, вскоре мы нашли целую улочку менял. У каждого из них была своя лавка, а перед ней, на улице, стоял большой стеклянный аквариум, полный денег! Деньги огромные, пачками, прямо килограммы. Спросили курс. Нам показали на калькуляторе: «давляти» 40.000, «джумбаши» 80.000.

Тут необходимо сделать небольшое научное отступление. Дело в том, что в Афганистане существует два типа афганских денег – «давляти» и «джумбаши». Внешне они выглядят практически одинаково, с первого взгляда не различить. Но по цене одни вдвое дороже других. В обороте здесь ходят оба вида параллельно! На границе афганские пограничники предупредили нас об этом, но только к концу путешествия по стране мы научились худо-бедно различать эти деньги. Говорят, что скоро введут единые деньги и такое двухвалютное скоро исчезнет, – но на момент нашего визита оно существовало уже пять лет. Итак...

– Почём арбуз?

– 10.000.

Я протягиваю одну хрустящую, свежую десятку и получаю арбуз, а также сдачу – одну такую же хрустящую, свежую десятку. В чём прикол?

Задача. В пачке денег – шестьдесят тысячных купюр и сорок пятисоток. Сколько будет всего? Восемьдесят тысяч? Это смотря где. В Кандагаре восемьдесят, а в Мазари-Шарифе будет сто тысяч. Афганская арифметика.

Лепёшка стоит 2.000. Я протягиваю две тысячных купюры. Продавец, поглядев, забирает их, но лепёшку не даёт. Напротив, хочет ещё две тысячи. Спohватившись, я достаю ещё две тысячи и получаю лепёшку. Цена правильная. Все довольны.

Ещё во времена «Талибана» я пытался узнать, какие же деньги ходят по разные стороны фронта: одинаковые или различные? Разные просачивались слухи; одни говорили, что афганские деньги – афгани – выпускает Северный альянс, а на талибской территории используют доллары и пакистанские рупии; другие рассказывали, что и тут и там оста-

лись одни только доллары; третьи слышали, что деньги выпускают и те и другие, причём одни деньги в десять раз дороже других (чьи именно дороже – неясно), и что деньги меняют на базаре мешками.

В этой поездке мы постепенно разузнали историю и сущность местных денег. Нам рассказывали следующее. Когда-то в стране были единые государственные деньги. Их заказывали за границей (говорят, во Франции), отправляли в Кабул и оттуда распределяли по стране. Когда «шурави» прогнали и началась гражданская война, в Кабуле на деньгах сидел президент Раббани, а в Мазари-Шарифе – известный губернатор и полевой командир Дустум. Вместе они боролись против талибов, наступавших из Кандагара. Этот Дустум часто просил Кабул о деньгах (для армии); деньги из столицы привозили, но недостаточно. Тогда Дустум поступил по-научному: взял да заказал (говорят, в Москве) партию купюр по 1000 афгани и стал выдавать ими зарплату солдатам, в общем – пустил их в оборот. Торговцы сперва не знали происхождения этих денег и принимали, как обычно. Но вскоре денег в северных провинциях стало подозрительно много, секрет раскрылся, а люди проницательно нашли несколько мельчайших различий между государственными и дустумовскими деньгами. Главное различие было в номерах серий – одни серии были на государственных («давлияти»), другие на дустумовских («джумбаши»).

Центральное правительство Раббани, может быть, и радо

было пресечь дустумовскую самодеятельность. Говорят даже, что президент Раббани объявил «дустумовки» фальшивками. Но, во-первых, местные полевые командиры, они же губернаторы, в Афганистане обладали (и обладают) большой самостоятельностью и ни с кем не считаются. А во-вторых – самое главное! – Кабул пал, деньгозапасы достались талибам, и вскоре уже президент Раббани, перебравшийся в северную половину страны, заказывал в Москве десятилитровые купюры – которые уже, увы, увы, стоили на базарах дешевле, чем купюры из кабульских запасов, которые и запустил в оборот набирающий силу «Талибан».

Прошло несколько лет, и опять северное правительство восстановилось в Кабуле и обрело власть над основными денежными запасами. Но северные деньги остались. Во время нашего визита их принимали без ограничений только в семи северных провинциях страны, вплоть до перевала Саланг. Так же параллельно ходили и государственные деньги, по двойному курсу: 1000 «давлати» = 2000 «джумбаши». Южнее Саланга в обороте только «давлати»; хотя «джумбаши» можно превратить в «давлати» с небольшой комиссией у любого менялы. Остаётся только удивляться зоркости афганских торговцев и менял, безошибочно и быстро различающих почти одинаковые деньги северного и южного выпуска.

– Итак, вам какие? «Давляти» или «джумбаши»? – спросил меняла, демонстрируя в двух руках пачки совершенно одинаковых денег!

– Давай «джумбаши», потому что их больше, – отвечал я. Поменяв на двоих пятнадцать долларов, мы с Книжником стали миллионерами. Должно получиться 1.200.000 афгани на двоих. Солидные пачки! Стали пересчитывать. Столпившиеся любопытные зрители наблюдали за нами.

– Вай, вай, вай! – обиделся я. В толстую пачку, среди десятитысячных голубых купюр, были подсунуты кое-где розовые пяти тысячные купюры. Обманул!

– Всё правильно, – невозмутимо объяснил продавец, – это «давляти»!

Оставалось поверить, что 80 купюр по 10.000 афгани и 20 купюр по 5000 афгани в сумме дают не 900.000, а ровно 1.000.000. И действительно, так оно и было! Ведь купюры по 5000, как и по 500, существуют только в форме «давляти», и эквивалентны 10.000 и 1000 «джумбаши» соответственно. Если в пачке коричневых тысячных купюр увидишь маленькую зелёную пятисотку – не верь глазам своим, это тоже тысяча!

В последующие недели нам предстояло убедиться в исключительной честности, аккуратности и порядочности аф-

ганских менял. А пять тысяч действительно равны десяти тысячам. В определённых условиях. В определённой стране¹.

¹ (Примечание 2015 года: через некоторое время после описанных событий в стране прошла унификация и деноминация денежных единиц, и все афгани стали стандартными, одного типа и без нулей. Так что сегодняшним путешественникам в «Стране А.» – одной проблемой меньше).

Афганский меняла. В мешке – сумма, эквивалентная примерно 500 долларам США. 2002 год.

* * *

Первое дело сделано, и деньги непривычно распирают нам карманы.

Теперь можно поесть – или позвонить. Лучше сперва позвонить, а то вдруг телефон закроется в вечерний час!

Местные жители на вопрос «телефон» удивлялись, недоумевали. Я детально объяснил: показал жестами, как набираю номер, говорю: алло! алло! Москва! Москва! Наконец нас поняли и отвели на телефон. Телефонный пункт в Кундузе занимал длинное одноэтажное здание, при входе в него нужно было снимать ботинки. Но дозвониться домой сейчас не удалось – моих родителей не было на месте. Книжник не стал звонить своим, опасаясь их шокировать: его родители не знали, что их сын отправился в Афганистан. «Когда вернусь домой, так всё и расскажу, а то они умрут от переживаний,» – так решил он.

Вышли из телефона и у первого же продавца решили приобрести арбуз.

Торговец попросил двенадцать тысяч.

– Ух как дорого, он заламывает цену! – удивился Книжник.

Я же быстро подсчитал, что двенадцать тысяч – это меньше

пяти рублей, и срочно приобрёл арбуз. Мы сели потреблять его, и толпа зрителей вокруг затмила все горизонты. Человек пятьдесят бородатых и бритых мужчин и детей, если не больше, скопились рассматривать двух бородатых автостопщиков, поедающих арбуз. Кто-то уже принёс нам лепёшки в подарок. Интересно, что женщин в толпе не было: им любопытствовать не полагалось. Вообще на улицах города было немного женщин; все они были полностью одеты (в чадру) и передвигались лишь в сопровождении мужчин.

Как обычно бывает, в толпе появился кто-то русско-, а кто-то англоговорящий. Но мои попытки напротиться на ночлег успеха не имели. Доев арбуз, мы раздвинули толпу и пошли куда глаза глядят, попутно выясняя, где проходит дорога на Мазари-Шариф. Позовут – впишемся, не позовут – уедем в ночь, не уедем – так уйдём из города и переночуем на природе.

Но не успели мы добраться до конца города, как нас уже позвали.

С интересом – первая афганская вписка – мы последовали за парнем, пригласившим нас на ночлег.

* * *

Кундуз, как и любой афганский город, состоит из делового центра (с магазинами) и спальных районов (с огородами). Дома из сухой глины окружены глиняными забора-

ми. Во дворе, помимо дома, – загон скота (коровы, курицы), ещё какие-то пристройки; посеvy. Отдельные прямоугольные участки земли, также ограждённые глиняными заборами, представляли собой поля. Каналы-арыки (водопровод, орошение и канализация вместе) проходили повсюду. Электричества во всём спальном районе не было, и единственным источником света являлись керосиновые лампы.

У ворот своего дома парень жестом попросил нас подождать. Зашёл, и, вероятно, сказал женской половине семьи, чтобы они убирались подальше. Потом пригласил нас. Находясь в гостях у афганца, женщину увидеть невозможно: все женщины спрятаны в женской половине дома. Женщина проявляет себя лишь косвенно: так, всегда ниоткуда, но вовремя появляется еда. За три недели, проведённые в Афганистане, я так и не побывал на кухне и даже не припомню ни на одной вписке ни одной женщины. Они – самая законспирированная часть афганского общества.

Афганцы не очень говорливы. Единственное исключение – безбородая молодёжь, изучающая английский язык. Такие бывают назойливы: столь редко им выпадает возможность попрактиковаться. Зазвавший нас человек знал английский в небольшом объёме и назойлив не был. Его бородатый отец также был нетороплив и спокоен; английского он не знал. При свете керосиновой лампы появился ужин – какой-то кисломолочный продукт, среднее между творогом и кефиром, лепёшки, рис, чай. Достаточно изобильно, на го-

лодную страну не похоже. Ели на улице, на специальном возвышении, исполнявшем функции стола, стула и кровати. Там же и легли спать на заботливо принесённых нам тюфяках. Первая афганская ночь.

Внутри дома так и не побывали. Знаю только, что в нём было темно. Афганцы вообще редко зовут в дом: это – интимное.

28 июля 2002 / 6 асада 1381

Афганцы встают рано, перед рассветом; ещё раньше встали куры, вышли из своего загона и стали ходить между нами, просыпающимися. Нам предложили чай. После чая, подарив хозяевам некоторые открытки с российскими видами, мы покинули наш первый афганский дом и вышли на трасу. Вставало красное солнце. Люди, пешком и на велосипедах, распыляя дорогу, направлялись в город на работу; телеги, гружёные товаром, тоже ехали в город на базар.

Вскоре мы достигли выездного поста ГАИ. Это был небольшой навес, под которым сидели несколько дорожных полицейских, опуская и поднимая верёвку, натянутую поперёк дороги. Мы сели рядом, вызвав интерес публики. Книжник сыграл на гитаре, я проявил знание двадцати местных слов, и контакт был налажен. Мы объяснили, что нам нужно не такси, а большая бесплатная машина в Баглан, желательно «Камаз».

Местные жители сразу скопились вокруг, разглядывая нас. Мы же, в свою очередь, с интересом разглядывали проезжающие мимо афганские транспортные средства. Среди них были:

- 1) жёлтые легковые такси, чаще советского производства, забитые битком;
- 2) маршрутные рейсовые микроавтобусы, также переполненные людьми и барахлом;
- 3) телеги, запряжённые ослиами и лошадьми, кареты, верблюды и прочий гужевой транспорт пригородного значения;
- 4) пустые быстроходные англоговорящие джипы гуманитарных миссий, сотрудники которых боялись нас и подвозить не хотели;
- 5) грузовички локального свойства, едущие на базар.

Целый час, с шести до семи утра, непрерывной чередой проходили перед нами все эти такси, машины и телеги. Гаишники пытались убедить нас в том, что бесплатных машин не бывает. Я же вновь объяснил, что такая машина обязательно есть, что мы её и ждём, а отвезёт она нас в Баглан, а сама она большая-большая, называется «Камаз», «Краз» или «Урал». Несколько таких машин уже прошло в обратную сторону, то есть в город, и, указывая на них всем собравшимся, мы вселяли в себя и в людей уверенность в том, что автостоп существует.

И вот – минул всего час, а что такое по афганским меркам час? это почти минута! – как на посту остановилась на-

ша долгожданная машина, большой «Камаз» с почти пустым кузовом. Водители, посоветовавшись друг с другом и с гайшниками, взяли нас до Баглана. В кузове – о чудо, что находилось в кузове! – там лежало несколько сотен экземпляров старой, драной, мусорной обуви! Часть в старых рваных мешках, часть россыпью по всему кузову.

«На базар везут, продавать,» – подумал я.

«Нет, наверное в сапожные мастерские на запчасти,» – решил Книжник.

Так нам и не удалось установить назначение этих старых, рваных, непарных сапог, туфель, ботинков и т.п.. В такой обуви, как мы позднее убедились, афганцы не ходят; наверное, это везли на экспорт, куда-нибудь в Эфиопию. На мешках с этой обувью можно было сидеть во время долгого и тряского путешествия в Баглан.

Поехали!

* * *

Афганский водитель

Дорога в Баглан была когда-то асфальтированной, как и вчерашняя. Но прошло пятнадцать, а то и двадцать лет без ремонта! Большие выбоины и дырки, ухабы; на одних машины подпрыгивают, другие стараются объезжать. Из-за того, что здесь машин больше, – дорога и разбита больше, чем вчерашняя. Зато пейзажи разнообразнее. Справа показалась река; вдоль реки – деревушки, сады, зелень; дома из глины,

огорожены высоким глиняным забором, есть одноэтажные, а есть и в два этажа. Все дома прямоугольной формы.

Некоторые жители деревень приобрели профессию нищих и тусуются вдоль дороги. Дети семи-десяти лет стоят у самых больших рытвин и выбоин дороги. Завидев машину, они начинают двигать лопатой, делая вид, что заравнивают эти неровности; затем ожидают подаяния за сей полезный труд. Лопата – главный инструмент для попрошайничества! На ста километрах мы увидели человек тридцать «дорожных рабочих». Попадают и старики, но без лопат. Они пытаются извлекать деньги, поглаживая бороды.

Меня очень удивил такой способ нищенства, ибо напомнил мне Анголу. Там тоже есть участки разбитого асфальта, и местные дети, взяв в руки дёрн и куски земли, затыкают ими дырки в дороге, а потом, при приближении машины, натягивают верёвку поперёк шоссе: стой! дорожные работы! Одни водители расстаются с мелочью, другие поддают газу, и верёвка тут же опускается.

В других странах я не встречал таких форм заработка. Как жители этих двух концов мира независимо друг от друга додумались до такой методики?

В одной из больших попутных деревень мы остановились; водители «Камаза» вышли на обед, позвали и нас. Большая харчевня, рукомойник с несколькими кранами, замызганным зеркалом и даже щепоткой моющего порошка. Цивилизация! Забравшись с ногами на ковёр-помост, афганцы едят

рис, пьют чай и смотрят телевизор, подвешенный в углу чай-ханы; другие вместо телевизора рассматривают нас. Едят руками, ложек нет, чай пьют зелёный, впригрызку с иранскими конфетками. Если кто-то пожелает чай с сахаром, этот сахар единожды насыпают на дно стакана и наливают туда чай порцию за порцией, пока он не впитает весь сахар. Каждому посетителю харчевни полагается собственный чайник с чаем, откуда он и наливает себе в стакан сколько пожелает, и расплачивается за количество выпитых чайников, а не стаканов.

Помимо чая, водители угостили нас рисом, шашлыками, арбузом, и наше представление о стране голода совсем развеялось. Вся придорожная деревня продавала еду: арбузные, помидорные, яблочные, дынные развалы шли вдоль всей улицы. Ни один нищий не пристал к нам во время трапезы, и никто не пришёл лакомиться остатками еды. Для меня это было слегка удивительно: я-то представлял Афганистан азиатской Эфиопией, а тут даже придорожные попрошайки изображают из себя деловых людей!

Тронулись дальше. Вот опять деревни, поля, разбитая дорога, солнце, старые сапоги, перекатывающиеся по кузову туда-сюда, – и вот мы уже прощаемся с водителями в городке с названием Баглан.

Было довольно жарко. Мы угостились газировкой афганского разлива, а следующий водитель опять завлёк нас в сто-

ловую, где мы и поели вновь. Опять рис, шашлыки, лепёшки и чай. Нам предложили расплатиться, оказалось совсем дёшево – что-то пол-доллара на двоих.

Вот и основная развилка, с большим круглым указателем, напоминающим часы. Прямо – Кабул, 233 км, направо – Мазари-Шариф, 172 км. Рядом с указателем – мост с обваленными перилами, а под ним – река, настоящая горная речка, и мы как мечтали, так и устремились сразу к ней. Это были истоки той самой реки, вдоль которой сегодня несколько часов мы ехали.

На реке уже были купальщики. Бородатый афганец в длинном белом халате купался прямо в нём, сняв только чалму. И намыливал халат и себя сквозь него. Другие, более распушенные мужчины и парни купались без верхней одежды, но в штанах. Без штанов мы ни разу не видели ни одного афганца, и сами искупались в штанах. Спали на вписках мы тоже в штанах, чтобы ненароком не испугать народ видом голых ног. Кстати, женщины вообще не купаются прилюдно.

Итак, искупались, выстирали верхние части своей одежды – какой кайф! – и вылезли из реки. Через пять минут мы были уже полностью сухие: солнце и тёплый ветер сушат вмиг! Как будто и не залезали в речку.

Вскоре, в кабине очередного «Камаза», мы ехали в сторону Мазари-Шарифа.

Хороший асфальт, ровная, почти не битая дорога, мирный пейзаж – неужели это Афганистан? Навстречу едут грузовики с арбузами и иными товарами. И не только грузовики! По обочине, медленной, ровной поступью движутся караваны верблюдов! В кабине, помимо водителя, был англоговорящий человек, его начальник, и он объяснил нам:

– Что, в России такого не увидишь? Да, это караваны. Они везут из Мазари-Шарифа и из Хулма фрукты, на базар в Пули-Хумри. Один верблюд может нести 350 килограмм, иногда и до пятисот. От Мазара до Пули-Хумри сто семьдесят километров, они выходят утром и приходят на следующий день. Десять верблюдов – четыре тонны груза.

Караванов было много. Шли они навстречу «Камазам», нисколько не отвлекаясь, как будто из глубины веков. Погонщик в чалме и с шестом, бывало, шёл рядом, бывало, ехал на одном из верблюдов. И тут, да, я вспомнил! Ведь сейчас 1381 год по афганскому календарю!

– А на ослах тоже возят товары? – спросил я.

– Нет, что вы, это невыгодно, – отвечал наш попутчик, – осёл может везти только 50 килограммов груза. И потом, ему постоянно нужна вода, а верблюд неприхотлив.

Через некоторое время «Камаз» сломался. (А вот верблюды, наверное, не ломаются, – подумал я.) Англоговорящий

начальник, убедившись в том, что ремонт затянется, сам занялся автостопом. Застопил легковушку, взял и нас, и мы продолжили путь, а «Камаз» с водителем бросили в пустыне.

Вскоре пустыня взъерошилась горами, а между ними образовалась речка. Дорога просочилась вместе с речкой в настоящую щель между скалистыми великанами. Потом долина расширилась и явила нашему взгляду фруктовые сады. Всё это были фиговые деревья. Продавцы фиг свивали из травы особые гнёзда и запаковывали в них порции фруктов. Этими травяными гнёздами, весом килограмма полтора, продавцы размахивали перед проезжающими машинами. Продавались фиги и в развес, при этом гирями служили камни разных размеров.

Наш попутчик, невольный автостопщик, попросил водителя остановиться, и мы подошли к продавцам фиг.

– Здесь есть и мой сад, – объяснил попутчик, – здесь живут мои родственники, а сам я живу в Мазаре. А эта местность называется Хулм. Угощайтесь, ешьте, сколько хотите!

Фиги оказались отчаянно сладкими, и мы съели всего по чуть-чуть. А наш попутчик-переводчик прихватил целое гнездо. Так, жуя фиги, мы приближались к Мазари-Шарифу.

Наших намёков в отношении вписки попутчик не понял, или сделал вид, что не понял (афганцы это умеют). И привёз нас в центральную гостиницу «Барак». Поблагодарили и покинули трёхэтажный роскошный барак, объяснив, что найдём себе иной ночлег самостоятельно. Человек исчез, а мы

остались на одной из центральных площадей Мазари-Шарифа.

Глава 4. Мазари-Шариф

Подобно тому, как Санкт-Петербург считается Северной столицей России, – город Мазари-Шариф (в просторечии Мазар) можно назвать Северной столицей Афганистана. Население Мазара и его бесконечных предместий я оцениваю в пол-миллиона человек. Большая часть здешних военных и начальников владеет русским языком. Когда-то это был самый про-советский город Афганистана.

Центром Мазари-Шарифа является собственно «мазар», или «зьярат». В данном случае этим словом именуется древняя Голубая мечеть, место паломничества. Местное предание гласит, что тут похоронен Али, четвёртый праведный халиф, племянник Пророка Мухаммеда. Правда, официальная гробница Али – в Неджефе (Ирак), за 1000 километров отсюда; но в исламском мире имеется несколько местных гробниц Али, и здесь перед нами – одна из них.

Голубая мечеть. Мазари-Шариф

Голубая мечеть, с окружающими её постройками, минаретами и т.п., занимает целый квартал, а по сторонам мы видим разных продавцов, менял, харчевни, ковровые магазины, телеги, кареты, старые горбатые советские машины, ве-зущие по пятнадцать и даже двадцать пассажиров, и все прочие атрибуты афганского города.

С восточной стороны главной мечети мы видим Главпоч-тамт, он же и переговорный пункт (всё уже было закрыто), отделение МИДа, где нам позже настоятельно (и безуспеш-но) рекомендовали зарегистрироваться, Барак-хотель, око-

ло которого мы сейчас стояли, и большое кафе-мороженое со столиками внутри и снаружи заведения. Из всего, что мы могли увидеть, самое желанное было, конечно, кафе-мороженое.

Схема Мазари-Шарифа

Мороженое в Афганистане делается так. Есть высокая, узкая кастрюля, похожая на перевёрнутую шляпу-цилиндр, почти пустая. У мороженщика есть стол, и там выемка, заполненная кусками битого льда – брусковый лёд продаётся в каждом афганском городе, его ежедневно покупают и измельчают. Кастрюля-цилиндр опускается в лёд, и, что главное, её непрерывно надо крутить. Целый день. Трм-трм, трм-трм, трм-трм. Целый день на жаре мороженщик крутит-вертит эту кастрюлю, потеет, греется, парится, зато кастрюля охлаждается, и на стенках её тонким слоем конденсируется

мороженое. Не помню, откуда оно берётся, но оно собирается на стенках, и вот мороженщик берёт ложку и накладывает мороженое в вафельный стаканчик. Порция готова. Самый дешёвый стаканчик стоит в Мазаре всего 1000 джумбаши – это 40 копеек, или \$0.012, ну а мы попросили королевскую порцию, и нам её несут на блюдечках. Целая куча мороженого, украшенная шоколадными застывшими капельками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.